Русские книжники XV—XVI веков в поисках героев борьбы с татарами

Russian writers of the 15th—16th centuries in search of heroes in anti-tatar struggle

Авторы: Владимир Рудаков

Ссылка для цитирования:

Рудаков В. Н. Русские книжники XV—XVI веков в поисках героев борьбы с татарами // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 6 (22) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://mes.igh.ru//s207987840000610-0-1 (дата обращения: 15.11.2013).

№	Текст	Примечания
1	Долгое время общим местом отечественной историографии было представление об особой патриотической направленности памятников, посвященных событиям, связанным с нашествием монголо-татар и последующим периодом русско-ордынских контактов. Многие исследователи отмечали «героический характер» произведений древнерусской литературы, поскольку, по их мнению, книжниками, начиная с авторов произведений о Батыевом нашествии, «спасение от насилий врага рисовалось не в покаянии и смирении, а в активной борьбе». Возник даже устойчивый термин – «героическая борьба русского народа за независимость в XIII веке» (имелась в виду борьба, в том числе, и с татарами)[1].	1. См., например: История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 92, 94, 123—124. Даже названия отдельных работ по теме отражали сложившиеся в науке представления о характере русско-ордынских отношений в XIII веке. См., например: Рыбаков Б. А. Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь (X—XIII вв.). М., 1948; Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.
2	Между тем, героическая борьба, несомненно, была, а вот «героического характера» литературы практически не существовало[2]. Наоборот, при изучении источников по истории начального этапа русско-ордынских отношений то и дело сталкиваешься с удивительным феноменом – почти полным отсутствием упоминаний об активных борцах с завоевателями. В наиболее ранних из дошедших до нас летописных рассказах о нашествии, а также в житийных памятниках, посвященных гибели в Орде русских князей, количество упоминаний о таких людях (тем более, княжеского достоинства) ничтожно мало, а сами эти упоминания предельно лапидарны.	2. См. подробнее: Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009. С. 55—84, 174—176.
3	С одной стороны, это может объясняться тем фактом, что самих случаев «героической борьбы» русских князей с монголо-татарскими завоевателями, вопреки распространенному мнению, было не так уж и много. В годы нашествия князьям фактически не удалось организовать сколько-нибудь серьезных полевых сражений с татарами, а «все хорошо известные факты героического сопротивления Батыевым полчищам были связаны с обороной городов»[3]. На Руси не было битв, сопоставимых, скажем, с битвой при Легнице 9 апреля 1241 г., когда войска под командованием герцога Силезии Генриха II попытались (правда, безуспешно) организовать сопротивление татарам, которыми	3. Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181. 4. Хрусталев Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30—40 гг. XIII в. 2-е изд. СПб., 2008. С. 197—210; Штайндорфф Л. Чужая война: военные походы монголов в 1237—1242 гг. в Хронике Фомы архидьякона Сплитского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 23. 5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.

руководил старший брат Батыя – Орда, или сражению у реки Шайо 11 апреля 1241 г., в котором венгерский король Бела сражался (также безрезультатно) против войск самого хана Батыя[4]. Данные же источников о «битве на реке Сити», известной всем со школьной скамьи, не позволяют не только ставить ее в один ряд с перечисленными сражениями, но и вовсе дают повод усомниться в ее реальности[5].

младшего изводов. М., Л., 1950 (репринт: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000). С. 76; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М., Л., 1960. С. 39.

4 Даже в ходе обороны городов князья – по крайней мере, если верить наиболее ранним летописным рассказам о событиях того времени – весьма редко проявляли себя в качестве организаторов «героического сопротивления». Например, осада стольных Владимира или Киева дает нам примеры прямо противоположного поведения князей. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович «изииди из града»[6], оставив в столице жену и сыновей, а те отстранились от организации обороны[7]. Что же касается Киева, то великокняжеский стол, за который вплоть до самого нашествия велась ожесточенная борьба между виднейшими представителями Рюриковичей, перед лицом Батыевых орд и вовсе остался без князя. Будущий святой - Михаил Всеволодович Черниговский - «бежа передъ татары Оугры», т.е. в Венгрию («иже за страхъ татарьскыи не сме ити Кыеву»), другой князь - Даниил Романович Галицкий - также покинул город, убежав «в Ляхи», т.е. в Польшу[8]. Судя по всему, героическая оборона русских городов, о которой было известно даже за пределами Руси (например, хронисту Фоме из Сплита)[9], в этих и многих других случаях являлась результатом отчаянного сопротивления самих горожан.

6. «Еха на Волгу», — политкорректно сообщает владимирский летописец; «бежал», — не скрывает своих оценок новгородец. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927 (репринт: М., 1997). Стб. 461; Т. 2. СПб., 1908 (репринт: М., 1998). Стб. 779; Новгородская первая летопись. С. 75. Также не выдерживает никакой критики ставшая уже хрестоматийной ссылка на подвиг Евпатия Коловрата, о котором повествует памятник XVI в. — «Повесть о разорении Рязани Батыем», о которой речь пойдет ниже.

7. Подробнее — см. ниже.

8. Даниил Романович оставил в Киеве своего посадника Дмитра, который и руководил обороной. Как сообщает Ипатьевская летопись, попавшего в плен Дмитра Батый, «мужества ради его», приказал оставить в живых: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782—783, 785.

9. Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита. М., 1997. С. 104.

5 Точно также вели себя князья и в последующий период: фактов сопротивления татарам с их стороны источники практически не фиксируют вплоть до второй половины XIV в., когда при Дмитрии Донском политика московских князей по отношению к татарским властям начинает претерпевать серьезные изменения[10]. Князья в этих условиях были далеки от мысли призывать русских людей к отпору «поганым». Неслучайно, как заметил в свое время А. С. Хорошев, среди причисленных к лику святых князей большинство составляли мученики за веру, а не князья-воины. «Покаяние, смирение и покорность, – писал исследователь, – вот основная идея политической канонизации XIII – нач. XIV в.»[11]. Подобное поведение князей не могло не стать одной из причин того, что зависимость Руси от Орды растянулась на целые столетия[12].

10. До этого времени акты сопротивления татарам были связаны исключительно с междукняжескими конфликтами, в которых «князья могли оказываться в конфронтации с ханом, поддерживавшим их соперников», а вовсе «не с осознанной борьбой на полное уничтожение зависимости». См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 88—89.

11. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986. С. 76, 78.

12. На протяжении столетия русские князья, по наблюдению А. В. Чернецова, демонстрировали «поразительно длительную лояльность к власти Чингизидов», проявляя при этом странное для людей, подвергнувшихся завоеванию, «татарофильство»:

Чернецов А. В. Связи средневековой Руси с Востоком: некоторые проблемы и перспективы изучения // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997. С. 147. Ср.: Он же. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 13.

6 Впрочем, это вовсе не означает, что князья вообще отказывались от борьбы с татарами. Такие эпизоды известны, но здесь мы сталкиваемся с еще одним весьма интересным явлением. Дело в том, что имевшие место случаи героической борьбы князей с татарами (известные нам, например, по рассказам иностранных авторов) удивительным образом оставались за рамками описания событий русскими книжниками. В лучшем случае примеры военного сопротивления татарам упоминались лишь вскользь. Это можно сказать, например, об описании обороны Рязани в декабре 1237 г. Лаврентьевская летопись сообщает о данном событии весьма кратко: татары «почаша воевати Рязаньскую землю и пленоваху», и «попленивша Рязань весь и пожгоша, и князя ихъ убиша... потом поидоша на Коломну»[13]. Не менее лаконична и южнорусская Ипатьевская летопись: «Взяша град Рязань копьемъ, изведшее на льсти князя Юрья»[14]. Более подробно рассказывает о взятии Рязани Новгородская первая летопись старшего извода: «Князи рязаньстии ... рекоша им (татарам. – *В.Р.*)...: «олна насъ всехъ не будеть, тоже все то ваше будеть». После чего «князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ граде с людьми; князь же Романъ Инъгоровичь ста битися противу ихъ съ своими людьми». «Отсупиша ихъ татарове у Коломны, и бишася крепко», - написал автор Новгородской первой[15]. «Бысть сеча зла», - добавил к этому составитель Лаврентьевского рассказа[16]. Других деталей сражения русские авторы не сообщают. Зато пробел в информации восполнил персидский историк Рашид-ад-Дин: он сообщает, что в сражении за Коломну погиб хан Кулькан – младший сын Чингисхана (кстати, единственный Чингизид, погибший на поле боя за всю историю империи![17]). Смерть царевича стала результатом стойкости русских: «Они (монголы) овладели также городом Ике (Коломна). Кулькану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман (вероятно, Роман), *выступил с ратью* (против монголов), но его разбили и умертвили»[18].

13. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460.

14. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

15. НПЛ. С. 75. Рассказ НПЛ кажется чрезмерно поверхностным, например, по сравнению с повествованием китайской истории монгольской династии Юань («Юань ши»). В частности, в жизнеописании некоего Сили Цяньбу о взятии Рязани говорится следующее: «Цяньбу сопровождал великого князя Баду (Бату) в походе на Россию. Подошли к городу Елицзянь (вероятно, Рязань). 7 дней длилось великое сражение, (после чего) взяли его». При этом будущий великий хан Мунке (Менгу) «когда дошли до города Елицзянь (Рязань), лично дрался в рукопашную, (после чего) разрушили ее (Рязань)» (Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001. С. 39). Как пишет Д. Г. Хрусталев, «спустя много лет в далеком Китае вспоминали кровопролитное семидневное сражение» (Хрусталев Д. Г. Указ. соч. С. 92—93). По сведениям Рашид-ад-Дина, борьба за Рязань продолжалась три дня, в ней участвовали войска под командованием семи Чингизидов (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 38).

16. НПЛ. С. 75.

17. Хрусталев Д. Г. Указ. соч. С. 99.

18. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 38—39.

7 Как отмечает современный исследователь Д.Г. Хрусталев, «в рассказе о монгольском нашествии на Русь Рашид-ад-Дин упоминает по имени и сообщает о неких действиях только трех

19. Хрусталев Д. Г. Указ. соч. С. 99—100.

20. Насонов А. Н. Монголы и Русь. История

князей (остальные имена используются как топонимические ориентиры). Из этих трех об одном говорится, что он был убит («Улайтимур» - вероятно, князь Владимир Юрьевич - сын великого князя Юрия Всеволодовича. – *В.Р.*), о другом князе сообщается, что он бежал в лес (уже упомянутый нами «Ванке Юрку», т.е. Юрий Всеволодович. – *В.Р.*), а затем был пойман и умерщвлен, и лишь о Романе говорится, что он выступил против монголов и бился с ними». «Эта неожиданная дань уважения коломенскому князю была высказана спустя 70 (!) лет в далекой Персии, причем его имя, в отличие от многих других, приводилось практически без изменений: Урман / Роман, - отмечает Д.Г. Хрусталев. – Пожалуй, сложно придумать лучший памятник храброму воину»[19]. Увы, русские памятники о героизме Романа умалчивают и через 70 лет… Как представляется, причины такого умолчания могли быть сугубо «цензурные». Во второй половине XIII в. для большинства русских князей покорность и даже сотрудничество с недавним врагом казались наиболее предпочтительными вариантами поведения, поскольку гарантировали им сохранение власти. Вероятно, реалии того времени, в глазах большинства современников, были таковы, что военное сопротивление татарам представлялось бесперспективным и даже отчасти греховным (ведь многими само нашествие татар воспринималось как «бич Божий»). В этой ситуации, как писал А.Н. Насонов, цитируя житийную повесть о Михаиле Черниговском, «на Руси признали, что Русская земля стала землей «Канови и Батыеве» и что «не подобаеть» на ней «жити не поклонившееся има»[20]. Вряд ли авторы княжеских житий и официальных летописных сводов могли (даже если хотели) выступить с прямой критикой таких подходов, тем более что в этом случае им пришлось бы осуждать «своих» князей[21].

8 Вероятно, это одна из причин, почему в источниках практически не содержалось осуждающих замечаний по поводу поступков князей – ни тех, которые во время нашествия бежали от неприятеля вместо того, чтобы сражаться с ним, ни тех, которые проявили покорность и начали сотрудничать с врагами, едва те завершили победоносный поход по русским землям[22]. К тому же и сами книжники (авторы как житийных, так и летописных произведений) в подавляющем большинстве случае принадлежали к одному из самых привилегированных социальных слоев эпохи «монголо-татарского ига» – духовенству. «Люди духовного звания были читателями постольку, поскольку были писателями этих летописей, ибо даже когда летописные своды велись при княжеском дворе, непосредственны исполнителем княжеского заказа были представители духовенства»[23]. Между тем, именно эта категория населения средневековой Руси на протяжении, как минимум, второй половины XIII – середины XIV вв. получала наибольшие преференции от ордынских властей[24]. Неслучайно при этом, что «князья, проявлявшие стремление договориться и сработаться с

татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб, 2006. С. 221. Ср.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 55.

21. Круг читателей литературных произведений того времени был весьма ограничен: судя по всему, это были сами князья и высшая знать. См.: Конявская Е. Л. О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 79. Т. Л. Вилкул даже предложила специальный термин — «князецентризм летописания», позволяющий, по ее мнению, описать уровень прокняжеской тенденциозности летописных источников того времени: Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М., 2009. С. 330.

22. Впрочем, время от времени осуждающие нотки все-таки звучали, но в основном в адрес «князей вообще», а не каких-то конкретных деятелей той эпохи. Чего стоят пассажи о прельщении князей «пустошнею славою света сего, которая хуже паучины». По мнению автора житийной Повести о Михаиле Черниговском, князья, которые прельщаясь «славою света сего», подчинялись ханской воле, губят «душа своя» (Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 56). «Князии нашихъ воеводъ крепость ищезе, храбрии наша, страха наполъньшеся, бежаша», — заявлял спустя несколько десятилетий после нашествия Серапион Владимирский. Впрочем, из контекста поучений Серапиона понятно, какой именно страх имеет он в виду: не просто страх перед врагами, не трусость, а страх перед

татарами, находили полное сочувствие со стороны духовенства»[25].

надвигающейся карой Божией, которую люди накликали на себя своим недостойным поведением (ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 448). В том же смысле высказывался и автор Новгородской первой летописи. Повествуя о нашествии Батыя, он отмечал: «отъя Господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грехы наша» (Новгородская первая летопись. С. 75.).

23. Конявская Е. Л. Указ. соч. С. 79.

24. См. подробнее: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. II. Вторая половина. М., 1900. С.14; Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв. Киев, 1982. С. 35-36; Охотина Н. А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С.67—81; Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII-XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Там же. С. 92—100.

25. Будовниц И. У. Духовенство и татарское иго // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 99.

9 Возможно, именно поэтому в дошедших до нас письменных памятниках того времени (летописи, житийные повествования, проповеди) не содержалось и сколько-нибудь внятно артикулированной «идеологии борьбы» с татарами[26]. Данное обстоятельство позволило А.А. Горскому прийти к выводу, что «до второй половины XIV столетия сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли»[27].

26. Только с конца XIV в. древнерусская литература, призывая своих читателей к непримиримой борьбе с врагами православия, в полном смысле слова становится рупором антиордынских настроений в обществе. См. подробнее: Рудаков В. Н. Указ. соч. С. 174—176.

27. Горский А. А. Москва и Орда. С. 89.

10 Наоборот, в это время, как показал А.В. Лаушкин, были весьма распространены прямо противоположные подходы к оценке монголо-татар и их власти на Руси. Исследователь предложил называть существовавший в конце XIII века ментальный феномен «идеологией ордынского плена». По мнению исследователя, «все случившееся с Русью не могло не напомнить историю гибели Иудейского царства», когда евреи за свои прегрешения были преданы в руки язычнику - вавилонскому царю Навуходоносору и должны были служить ему «и сыну его, и сыну сына его, дондеже приидетъ время земли его». Через своих пророков Бог грозно потребовал от наказанного народа не бежать от заслуженной кары и не сопротивляться власти Навуходоносора, заповедав при этом твердо хранить отеческую веру. «Сохранение веры в

28. См. подробнее: Лаушкин А. В. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 24—31.

условиях “вавилонского плена”, - отмечает А.В. Лаушкин, - было тем условием, при выполнении которого Господь обещал в будущем не только избавить свой народ от рабства, но и жестоко наказать его поработителей». Таким образом, делает вывод исследователь, «в Ветхом Завете в готовом виде содержалась своеобразная “идеология выживания” в условиях иноземного владычества, важнейшей чертой которой был исторический оптимизм — надежда на грядущее спасение»[28].

11 «Ветхозаветная “идеология выживания”, - полагает А.В. Лаушкин, - как нельзя лучше подходила для объяснения политики тех князей, которые сознательно пошли на подчинение ханам, желая оградить Русь от новых набегов и создать тем самым условия для будущей борьбы с ними, и при этом твердо встали на пути католической экспансии, угрожавшей вере отцов и дедов». По мнению исследователя, «у основ этой *дальновидной* “политики выживания” стояли правители, которых *невозможно было заподозрить в личной трусости или политическом малодушии*, — великие князья Ярослав Всеволодович и его сын Александр Невский (курсив мой. – *В.Р.*), а также ростовские князья Борис и Глеб Васильковичи, при которых в Ростовской земле начинается прославление Михаила Черниговского»[29].

29. Там же. Ср.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947. С. 281—288.

12 Не вдаваясь в дискуссию о том, можно ли заподозрить перечисленных выше князей «в личной трусости и политическом малодушии», отметим, что «идеология ордынского плена», несомненно, как нельзя более точно соответствовала тем типам поведения, которые демонстрировали многочисленные Рюриковичи вплоть до второй половины XIV в.

13 В итоге настоящие герои противостояния татарам оказались как бы «вне памяти», о них мы либо ничего не знаем, либо знаем из зарубежных или гораздо более поздних (XV-XVI вв.) отечественных источников, достоверность которых крайне мала, а степень мифологизации, наоборот, слишком велика. Более ранние памятники попросту молчат о героях.

14 Памятники, повествующие о «героической борьбе русского народа с монголо-татарскими завоевателями», появляются спустя достаточно большой промежуток времени после описываемых в них событий. Видимо, в определенный момент книжники (и общество в целом) осознали, что имеют дело с ситуацией «отсутствия героев». Со всей очевидностью это наблюдается на рубеже XV-XVI вв. По крайней мере, именно в этот период появляются новые редакции произведений, посвященных событиям первых лет русско-ордынских контактов, в которых иначе, чем прежде, описываются, а, главное, оцениваются поступки князей, живших в XIII в. Рассмотрим приемы такой трансформации на конкретном материале.

15 Один из таких приемов **-- расширение повествования,** свойственный, к примеру, созданной на рубеже XV-XVI вв.

«Повести о разорении Рязани Батыем», которую следует признать весьма удачной (раз ее сюжет до сих пор пересказывается в качестве правдивого повествования о событиях XIII в.) попыткой разрешить ситуацию с «отсутствием героев». Повесть фактически создает героев заново.

16 Действительно, в рассказе Новгородской первой летописи старшего извода (самом подробном из дошедших ранних сообщений о нашествии Батыя на Рязанскую землю), как было показано выше, сохранилось весьма лаконичное описание событий. «Повесть» же рассказывает о событиях «Батыева нашествия» весьма и весьма подробно. При этом расширение повествования происходит, главным образом, за счет включения в рассказ уникальных, нигде более не встречающихся сведений о подвигах рязанцев[30].

30. Он же. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261—263.

17 Князь Юрий Игоревич, согласно «Повести», идет на бой, провозглашая: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли бытии». «И нападоша на нь, и начата битися крепко и мужественно, и бысть сеча зла и ужасна, - сообщает автор «Повести о разорении Рязани Батыем». – Мнози бо силнии полки падоша Батыеви». Видя, что «господство резанское крепко и мужественно бъяшеся», Батый «возбояся». По версии «Повести», рязанцы, которых он называет «удалцы и резвецы резанския», «храбро и мужественно бьяшеся», да так, что «полки татарские» дивятся «крепости и мужеству» противника. В результате «едва одолеша их силныя полкы татарскыа».

18 Конечно, кульминацией «рязанского геройства» является эпизод с Евпатием Коловратом. Во время нашествия Евпатий – «некий от велмож резанских» - был в Чернигове. Приехав в землю рязанскую и увидев ее опустошение («грады разорены, церкви пожены, люди побьены, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посечены, а ины позжены, ины в реце истоплены»), Евпатий Коловрат решил отомстить Батыю. «Собра мало дружины: тысящу семсотъ человек, которых бог соблюде — быша вне града», он «погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстеи». Нагнав Батыя, Коловрат с дружиной «начаша сечи без милости полкы татарскыа: татарове же сташа, яко пияны, или неистовы». Евпатий, пишет автор «Повести», «тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася»: его воинам приходилось брать татарские мечи и продолжать сечу («емля татарскыа мечи и сечаша их»). В итоге у татар сложилось вполне апокалиптическое впечатление о происходящем: они «мняша, яко мертви восташа». А сам Коловрат бил полки татарские так «храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися» (в частности, «многих нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше»).

19 Когда же «Еупатиа — крепка исполина» по приказу Батыя «едва убили», хан «посла по мурзы, и по князи, и по санчакбеи, и начаша

дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству». Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвецов не видали (…), сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти, тако крепко и мужественно ездя, бьяшеся един с тысящею, а два со тмою: ни един от них может сьехати жив с побоища». Да и сам Бытай сожалеет о том, что Евпатий воевал не на его стороне: «Аще бы у меня такий служилъ, держал бых его против сердца своего». В знак уважения тело Евпатия Батый передал остаткам его дружины: «веля их царь Батый отпустити, ничем вредити».

20 Другой вариант трансформации текста состоял в **корректировке уже имевшихся образов,** наделении «обычных» персонажей героическими чертами. Характерные примеры такого подхода мы наблюдаем в рассказе об обороне Владимира в 1238 г. и о действиях сыновей великого князя, а также в Житии святого благоверного князя Александра Невского.

21 В Лаврентьевской летописи содержится самое подробное из всех ранних рассказов о событиях 1237-38 гг. описание осады Владимира полчищами Батыя (текста был создан не позже 1305 г., когда появился протограф Лаврентьевской и Троицкой летописей, но, возможно, и ранее – в 80-е гг. XIII в.)[31]. Здесь описание осады Владимира предваряется сообщением о том, что владимирский князь Юрий Всеволодович, «выеха из Володимеря в мале дружине ... и еха на Волъгу ... и ста на Сите станом ... и нача ... совокупляти вое противу Татаром», в стольном же Владимире «оурядивъ сыны своя в собе место Всеволода и Мьстислава». Помимо оставленных великим князем сыновей обороной города руководил воевода Петр Ослядюкович.

31. См. подробнее: Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 66—67. Ср.: Прохоров Г. М. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 244.

22 В момент, когда татары подошли к Владимиру, «володимерци затворишася в граде ... и не отворящимся». Татары же привели под стены города родного брата Всеволода и Мстислава — ранее захваченного ими в плен Владимира Юрьевича — и «приехаша близь къ воротомъ и начаша ... молвити: знаете ли княжича вашего Володимера?». Всеволод же и Мстислав, пишет летописец, «позназта брата своего, ... плакахуся, зряще Володимера», и «сжалистаси брата своего деля ... и рекоста дружине своеи и Петру воеводе: братья, луче ны есть оумрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру х(рист)ьяньскую. И не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь». При этом книжник рисует перед нами картину полного смирения князей Всеволода и Мстислава, чей дух сломлен даже не столько видом плененного брата («бе бо унылъ лицеем», - пишет о нем летописец), сколько самой безысходностью ситуации: «и рекоста оба князи: си вся наведе на ны Богъ грех ради нашихъ, яко же пророкъ глаголеть: несть человеку мудрости, ни е(сть) мужства, ни ес(ть) думы противу Господеви. Яко Господеви годе быс(ть), тако и быс(ть), буди имя

32. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

Господне благославено в векы»[32].

23 Характеризуемое как «батог Божий», насылаемый «грех ради и неправды», «за оумноженье беззаконии», нашествие «поганых», по версии книжника, воспринималось братьями-князьями как нечто неотвратимое, ниспосланное Господом на Русь «во исправление» (Бог «*не акы милуя поганыа, но нас кажа, да быхомъ всягнулися от злыхъ делъ*»)[33]. Действительно, воля Господня исполняется: татары вскоре, не встретив особого сопротивления, все равно берут город, Всеволод и Мстислав бегут, но, тем не менее, оказываются «убиты вне града». Владимир подвергается разорению, гибнут церкви и монастыри, татары не щадят никого «от оуного и до старца и сущаго младенца». Таким образом, из рассказа следует, что стремление воеводы Петра удержать князей от гибели, от добровольной жертвы «за святую Богородицю и за правоверную веру х(рист)ьяньскую» оказывается напрасным. Это желание противоречит изначальной «воли» Всеволода и Мстислава, намеревавшихся мученически погибнуть и тем самым искупить «грехи», за которые и постигла их (вместе со всеми остальными) «кара Господня».

33. Там же. Стб. 462.

24 Совершенно иную трактовку получают события, связанные с обороной Владимира, в летописных сводах XV и, особенно, XVI века. Незначительный, на первый взгляд, сюжет, оказывается важным, наполненным особым смыслом для позднейших редакторов-летописцев. Уже Симеоновская летопись, отразившая в части до 1391 г. тверскую переработку Троицкой летописи, передала рассказ о поведении Всеволода и Мстислава по-своему[34]. Здесь в уста братьев оказывается вложена переиначенная по сравнению с Лаврентьевской реплика: «Лучше ны есть умрети ... за святые церкви и за православную веру христианьскую, нежели воли ихъ (татар - *В.Р.*) быти над нами». И воевода Петр уже не отговаривает князей; ему теперь принадлежат слова, первоначально приписываемые братьям: «Сиа вся наведе Богъ на ны грехъ ради нашихъ...»[35]. Примерно такую же версию мы видим и в Голицынском списке Никоновской летописи, где свои устремления братья мотивируют тем, что «лутче есть умрети ... нежели воли их (татар - *В.Р.*) быти»[36].

34. По наблюдениям М. Д. Приселкова, статья 1237 г. Троицкой летописи идентична Лаврентьевской летописи; Симеоновская здесь отошла от Троицкой, заменяя ее текст вставками из Московского великокняжеского свода кон. XV в.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 314.

35. См.: ПСРЛ. Т. 18. СПб, 1913. (репринт: М., 2007). С. 56.

36. ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 107.

25 Согласно же остальным редакциям Никоновской летописи, князья и вовсе наполняются воинственным духом: «Възхотеша изыти противу ихъ (татар - *В.Р.*), и ре(к)ша воеводе своему Петру Ослядюковичю: изыдем къ нимъ (татарам - *В.Р.*) на бои за святыа церкви и за православную веру». Воевода вновь (как и в Симеоновской летописи и Голицынском списке Никоновской) произносит фразу о «наведении сих за грехи наша», первоначально (в Лаврентьевской) принадлежащую князьям. Более того, Петр Ослядюкович всячески отговаривает князей: «Како убо можем изыти на них, и стати противу толикаго множества? Лутчи нам есть в граде седети и, елико возможно

37. Там же.

нам, противу их брань сотворити»[37].

26 Как показал Б.М. Клосс, Симеоновская являлась источником Никоновской летописи[38]. Следовательно, «единодушие» указанных летописей в описании поведения князей вполне естественно, оно текстуально оправдано. Проблема заключается в характере произведенных по сравнению с Лаврентьевской изменений. В первоначальном виде рассказа о нашествии Батыя перед нами предстают смиренные князья, готовые подчиниться судьбе и погибнуть вместе со своим братом, отказавшись даже от попыток борьбы с «погаными», а также воевода, заставляющий их остаться с обороняющимися владимирцами и не дающий им возможности слепо подчиниться воли Провидения. Позднейшие же обработки текста дают нам совершенно другие образы. Герои меняются ролями. Теперь уже князья предпочитают, в одном случае, погибнуть, нежели оказаться в неволи, в другом - с оружием в руках встать «на бой» с «погаными». А воевода Петр из фигуры активной превращается в фигуру пассивную.

38. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 25-29.

27

Лаврентьевская летопись	**Симеоновская летопись**	**Никоновская летопись (Голицынский список)**	**Никоновская летопись (остальные списки)**
Всеволод же и **Мстислав**, сжалистаси брата своего деля Володимера и рекоста дружине своеи и Петру воеводе: «братья, *луче ны есть умрети* перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру христьяньскую». *И не да воли ихъ быти* **Петръ Ослядюковичь**. И рекоста оба князя: «Си вся	**Всеволод** же и **Мстислав**, сжалистаси брата деля своего своего Володимера и рекоста всей дружине своеи и Петру воеводе: «братья, *луче ны есть умрети* перед Золотыми враты за святыя церкви и за православную веру христьяньскую, *нежели воли*	Юрьевичи же **Всеволодъ** и **Мстиславъ** сжалистаси брата деля Владимира, ркоста всей дружине и Петру воеводе: «братья, *луче есть умрети* перед Златыми враты за святую Богородицу и за православную веру, *нежели воли ихъ*	Юрьевичи же **Всеволодъ** и **Мстиславъ** възхотеша изыти противу ихъ, реша воеводе своему Петру Осялдюковичю: «*изыдемъ къ нимъ на бой* за святыя церкви и за провославную веру». Воевода же **Петръ Ослядюковичь** рече: «Сиа вся Господь Богъ наведе на нас грехъ ради нашихъ, се бо есть лоза Его, и се есть наказание Его, и кто можеть противу Его

39. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 462.

40. ПСРЛ. Т. 18. С. 56.

41. ПСРЛ. Т. 10. С. 107.

42. Там же.

наведе на ны Богъ, грехъ ради нашихъ, яко ж пророкъ глаголетъ: несть человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви -- яко Господеви годе бысть, тако и бысть». Буди имя Господне благославено в векы»[39].	*ихъ бытии над нами*». **Воевода же Петръ** рече: «Сиа вся наведе Богъ на ны, грехъ ради нашихъ, яко ж пророкъ глаголетъ: несть человеку мудрости и несть мужства, ни думы противу Господеви»[40]	*быти».* **Воевода же Петръ** рече: «Сиа вся наведе Богъ на ны, грехъ ради нашихъ, якоже пророкъ глаголетъ: несть человеку мудрости и несть мужства, ни думы противу Господеви»[41].	стати, якоже пророкъ глаголетъ: несть человеку мудрости, и несть мужства, ни думы противу Господеви. *Како убо можемъ изыти на нихъ, и стати противу толикаго множества? Лутчи намъ есть во граде седети и, елико возможно намъ, противу ихъ брань створяти*»[42].

28 Можно предположить, что указанные изменения в трактовке событий 1237 г. произошли не случайно, а под воздействием того, как, с позиций авторов и читателей XVI века, должны были вести себя князья XIII века. Судя по всему, во второй половине XIII в. нашествие монголо-татар на Русь действительно воспринималось как «наказание Божие за грехи людские». Видимо, в соответствии с этим книжники и моделировали поведение своих персонажей. (Несмотря на то, что Лаврентьевская летопись - произведение, посвященное сюжетам сугубо историческим, вместе с тем это, безусловно, литературный памятник, которому свойственны, в том числе, и отход от сухой фактографии, и привнесение художественности в изображение действительности.)

29 Отказ от сопротивления, вызванный не трусостью (!), а подлинным христианским смирением перед карой Господней, в условиях того времени вряд ли мог вызвать непонимание или, тем более, осуждение. Совсем другое восприятие, видимо, формировалось в XV-XVI вв., когда отказ от борьбы с врагами начинал ассоциироваться с поступками недостойными, недолжными[43]. Понятно, что «наделять» таким поведением мученически погибших сыновей великого князя владимирского было не совсем удобно. В новых исторических условиях под пером книжника поведение князей «меняется»: они жаждут действовать активно, стремятся противостоять «поганым».

43. См.: Рудаков В. Н. Поведение Дмитрия Донского в оценке автора “Повести о нашествии Тохтамыша” // Проблемы источниковедения истории книги. М., 1997. С. 12—25.

30 Примерно с теми же механизмами формирования образа героя мы сталкиваемся и при анализе тех изменений, которые вносятся

в середине XVI в. в одно из наиболее популярных произведений древнерусской литературы - Житие святого благоверного князя Александра Ярославича. Одна из редакций памятника (т.н. редакция Василия Варлаама, была составлена в 50-е гг. XVI в. и включена в Великие Четьи Минеи) дает представление о том, как книжники, работавшие в это время, решали проблему «отсутствия героев» путем перенесения на своего персонажа черт другого, «более героического», по их мнению, человека.

31 В случае с Александром Невским таким человеком, по мнению Василия Варлаама, судя по всему, был другой святой князь – Михаил Всеволодович Черниговский. Подвиг Михаила (христианский, по крайней мере), в соответствии с ранними редакциями его Жития, состоял в том, что, будучи вызванным в Орду «царем Батыем», он не поддался на «прельщения» татар, отказался поклоняться их идолам и погиб от рук «нечистивых», сохранив чистоту веры. Александр, как известно, имел прямо противоположный опыт общения с татарами: летописи не раз сообщают о том, что князь был «с честью» принят в Орде и отпущен обратно[44]. О том же сообщает и княжеское Житие, первоначальная редакция которого возникла, очевидно, в 60-е гг. XIII в.[45]

44. ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 471—476.

45. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — нач. XX вв. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 36—39.

32 Вероятно, Василий Варлаам рассудил, что на фоне подвигов, совершенных Александром по защите своей земли от шведов и немцев, непонятно, на чем основанные добрые отношения князя с Батыем нуждаются в разъяснении. В итоге в новой версии Жития Александр Ярославич едет в Орду, стремясь повторить подвиг погибшего за веру князя Михаила Всеволодовича: Василий Варлаам буквально цитирует текст Жития последнего, вкладывая в уста новгородского князя реплики князя черниговского.

33 В итоге, как показал Ф.Б. Шенк, в Житии редакции Василия Варлаама подвиг Александра «уже не ограничен успешной защитой земли и православной веры». «Александр едет к Батыю и, подобно своему родственнику Михаилу Черниговскому, готов умереть мученической смертью за свою веру, дабы предотвратить гибель государства. Однако убедившись в стойкости Александра, Батый освобождает его от прохода через очистительный огонь и поклонения идолам, а затем отпускает его с миром». В итоге, как отмечает Ф.Б. Шенк, под пером автора редакции Жития Александр предстает как «бескровный мученик, не отказавшийся от своей веры под угрозой смерти, но не казненный»[46].

46. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 42—43.

34

Повесть о Михаиле Чергниговском, в т.н. редакции отца Андрея, 70-е гг. XIII века	**Житие Александра Невского в т.н. «первоначальной редакции», 80-е гг. XIII века**	**Житие Александра Невского в т.н. редакции Василия Варлаама, 50-е гг. XVI века**

47. Серебрянский Н. И. Указ. соч. С. 55—58.

48. ПЛДР. XIII век. С. 434—436.

49. Мансикка В. И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. СПб, 1913. С. 43—45 (второй пагинации).

В лѣто 6746 бысть нахожение поганых татаръ на землю христьянскую гнѣвомь Божиимъ за умножение грѣхъ ради. (…)

Начаша ихъ звати татарове нужею, глаголаще: «Не подобаеть жити на земли канови и Батыевѣ, не поклонившеся има». *Мнози бо ѣхаша и поклонишася канови и Батыеви*. Обычай же имяше канъ и Батый: аще убо приѣдеть кто поклонится ему, не повелѣваше первое привести предъ ся, но *приказано бяше волхвомъ вести сквозѣ огнь и поклонитися кусту и идолом*. (…) *Мнози же князи с бояры* своими идяху сквозѣ огнь и покланяхуся солнцю и кусту и идолом *славы ради свѣта сего и прашаху кождо ихъ власти*. Они же безъ

Прииде бо съ востока царь Батый з бесчисленными силами и поплени всю землю и грады наша славныя взя и пожже

...Ту же избиении быша приснопамятныя князи наша Всеволодичи Юрьи и Василко и вся прочия князи нашея земли, а инии *мнозии князи Рускиа чти ради и славы света сего суетного*, иное же страха ради мучителя схтвориша волю безбожнаго царя Батыя, оставившее Бога живаго и *поклонишася солнцу и кусту и огню и идоломъ ихъ*. (…)

Въ лето 6755-го той же предпомянутый окаянный злоимянитый царь Батый еще не насытился бяше крови человеческиа, посылаетъ пословъ своихъ в градъ Суздаль к блаженному князю Александру, глаголя: «*Мне покоришася мнози царства и языцы, а ты ли единъ не хощеши покоритимися? Аще хощеши соблюсти землю свою, пришедъ поклонимися, узриши честь и славу царства моего, якоже и прочии князи Рускиа поклонишася и власти*

взбранения даяхуть имъ, кто которыя власти хотяше, *да прелстятся славою свѣта сего*.

Блаженый же князь Михаилъ *разгорѣвся благодатию Божиею, хотя ѣхати къ Батыеви*. И, приѣха къ отцю своему духовному, повѣда ему глаголя: «*Хощю ѣхати къ Батыеви*». И отвѣща ему отець: «*Мнози ѣхавше и створиша волю поганаго, прелстишася славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь и поклонишася кусту и идоломъ, и погубиша душа своя. Но ты, Михаиле, оже хочеши ѣхати, не створи тако: ни иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту, ни идолом ихъ, ни брашна, ни пития ихъ не приими во уста своя. Но исповѣжь вѣру христьянскую, яко не достоить христьяном ничему же кланятися твари, но токмо Господу Богу Исусу Христу*». Михаилъ же глагола ему: «Молитвою твоею, отче, яко же Богъ дасть, тако и будет. Азъ быхъ того хотѣлъ *кровь свою пролияти за Христа* и за вѣру крестьяньскую».

Волсви же хотѣша Михаила вести и

В то же время бѣ царь силенъ на Въсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языкы многы, от въстока даже и до запада.

Тъй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «*Александре, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языкы? Ты ли един не хощеши покорити ми ся? Но аще хощеши съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего*».

В то же время был в Восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие, от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы? Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приезжай

поклонишася и власти своя приаша отъ мене и честь велию. Слышахъ бо тя храбра и велика върастомъ. Аще ли ни, то сътворю тебе и граду твоему, якоже князю Михаилу Черниговьскому и прочимъ княземъ Рускимъ, иже противишася мне и воли моей не сотвориша». Се же слышавъ блаженный (..) рече въ себе: «*Лутче ми единому умрети за православную веру Христову отъ безбожного царя, нежели многимъ кровопролитие довести и граду погибель*». И абие разгоревся душею и пророческую ревность приимъ, ревнуя. (…) Течетъ убо къ епископу Кириллу и мысль свою являеть ему. Епископъ же укрепляа его глаголя: «Чадо, *мнози идоша тамо и створиша волю цареву и погубиша душа своя и шедша сквозе огнь и поклонишася кусту и солнцу, ты жь, аще хощеши, иди съ миромъ, токмо да не сътвори, якоже они сътвориша, брашно же и питие ихъ да не внидеть во уста твоя, вся бо скверна суть, и сквозе огнь ихъ да не идеши, ниже*

Феодора сквозѣ огнь. Михаилъ же и Феодоръ глаголаста имъ: «*Недостоить христьяном ходити сквозѣ огнь, ни покланятися, емуже ся сии кланяють. Тако есть вѣра христьянская, не покланятися твари, но покланятися Отцю и Сыну и Святому Духу*». (…)

Они же, оставлеше ю на мѣстѣ, идеже бѣста приведена, идоша и повѣдаша цесареви: «Михаилъ повелѣния твоего, цесарю, не слушаеть: сквозѣ огнь не идеть, а богомь твоимъ не кланяеться, глаголеть — недостоить христьяном ходити сквозѣ огнь, ни покланятися твари, солнцю и идолом, но токмо кланятися створшему вся си, Отцю и Сыну и Святому Духу». Цесарь же възъярився велми и посла единого от велможъ своихъ, именем Елдегу, и глагола ему: «Рци Михаилови: “Почто повелѣние мое преобидѣлъ еси — богомь моимъ не поклонился еси? Но отселе едино от двою избери собѣ: или богомь моимъ поклонишися и живъ будеши и княжение приимеши, аще ли не скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

Съдумав же князь Александръ, и благослови его епископъ Кирилъ, и поиде к цареви въ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя». *Почьстив же и честно, отпусти и*[48].

поклогнишися богомъ ихъ, единъ бо есть Богъ Господь нашь Иисусъ Христосъ» (…)

Святыи же обеты предъ образомъ Спасовымъ полагаше епископу, глаголя: «*Аще и кровь свою пролию Христа* ради отъ безаконнаго царя, якоже и сродника моя, кусту и огню и идоломъ его не поклонюся». (…)

Дошедъ же святыи безбожнаго царя Батыя, (…) царь же повеле привести предъ ся блаженаго. *Волхвы же хотяху вести святаго сквозе огнь*, якоже обычай бяше имъ, и веляше поклонитися солнцю и огню. Блаженный же князь великий Александръ рече къ волъхвомъ: «*Недостоинно есть намъ христианомъ сквозе огнь ити, ни поклонитися твари паче Творца, по поклоняюся святей Троици, Отцу и Сыну и Святому Духу*, се есть единъ Богъ, Творецъ небу и земли». (…)

По смотрению же Божию не повеле его царь нудити своей вере, ни вести сквозе огнь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ бездушьнымъ, но повелеваетъ святаго поставити предъ ся

поклонишися богомь,
то злою смертью
умреши”»[47].

поставити предъ ся
съ честью славы ради
его. Блаженныи же
велики князь
Александръ *по
обычаю предста
предъ нимъ и
поклонися, якоже
лепо бе царю почесть
воздати*. Безбожныи
же царь Батыи, (..)
*честь въздавъ
блаженному велию* и
любовное показавъ и
милость о святемъ и
посла святаго з
братомъ его
Андреемъ къ
Кановичемъ[49].

35 Интересно, что наряду с формированием образов героев борьбы с татарами, книжники не менее активно работали и над **формированием образов антигероев.** Примерно с первой трети XV в. весьма популярной в произведениях древнерусской письменности становится «тема предательства» (причем, предательства со стороны русских князей). В качестве примера можно привести Повесть о нашествии Тохтамыша, созданную в 30-е гг. XV в.[50] и дошедшую в составе Новгородской IV и Софийской I летописей. В ней татарам помогает, во-первых, князь Олег Иванович Рязанский, который «обведъ царя около своей земли и указа ему вся броды, сущаа на реце на Оце» («споспешник на пакость христианам» назвал его автор повести), а, во-вторых, сыновья Дмитрия Константиновича Суздальского – Василий и Семен. Именно благодаря им, по версии этой повести, Тохтамышу удалось взять оборонявшуюся Москву: проявив «коварство бесерменское», князья уговорили москвичей открыть ворота, поскольку «царь вас, своих люди, хощет жаловати, понеже неповинни есте, не на вас бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратуя, оплъчися»[51]. Другой пример – «Сказание о Мамаевом побоище» (начало XVI в.[52]). В этом произведении также присутствует «предатель» - князь Олег Рязанский, действующий на стороне «безбожного» Мамая, при этом князя Олега автор именует не иначе, как «новым Святополком»[53].

50. См.: Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб, 1997. С. 69—70; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб, 2001. С. 149—160.

51. ПЛДР. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 190—196.

52. См.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 109—114; Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб, 1997. С. 259—262.

53. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 28.

36 Следует также отметить, что на фоне активного формирования «пантеона героев», осуществлялось **критическое переосмысление поступков князей,** действовавших на начальном этапе установления зависимости от Орды - во второй половине уже далекого к тому времени XIII в. Весьма любопытные характеристики исторических персонажей середины XIII в. содержатся в Житии Евфросинии Суздальской, составленному,

54. Авторство, по мнению большинства исследователей, принадлежит монаху Спасо- Евфимиева монастыря Григорию. Обзор мнений см.: Колобанов В. А. Владимиро-Суздальская литература XIV—XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1.

вероятно, в середине XVI в.[54].

Владимир, 1975. С. 103—104; Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России кон. XV — I пол. XVI в. АКД. М., 1992. С. 65—70. Ср.: Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. С. 70; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 283—285.

37 Согласно этому тексту, Евфросиния, именуемая в миру Феодулией, выступает в качестве дочери великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, погибшего в 1246 году в Орде[55]. Житие весьма подробно рассказывает о событиях, предшествующих гибели князя. В момент нашествия Батыя, как сообщает автор, «русским князем в нестроении мятущимся межи собою междоусобною бранию». Поэтому никто «не могуще противитися»: многие «по пустынямъ и горам непроходным крыяхуся, идее же диви зверие жилище имеяху»[56]. Царь Батый «повеле кланятися идолом и веровати веру бесерменскую», и «великому князю Борису Ростовскому сотворшу волю его» (т. е., по версии Жития, Борис Василькович принял «бесерменство»!). За это Батый «воемъ» своим «заповедати да преминут[57] града Ростова» и при этом одарил «изменника» Бориса. «Ини же *многие*, - сообщает далее агиограф XVI в., - зрящее сицевое, прелстишася, *сотвориша волю цареву*, царь же честь имъ воздавшее прелестную, яко же и князю Борису Ростовскому, и отпущаше их на своя вотчины»[58]. Все это, судя по хронологическим указаниям автора Жития, происходит до поездки Михаила в Орду.

55. По поводу достоверности такого родства в науке нет единого мнения: Колобанов В. А. Указ. соч. С. 78—85.

56. Колобанов В. А. Владимиро-Суздальская литература XIV—XVI вв. Учебное пособие. Вып. 3. М., 1978. С. 88.

57. То есть 'обойдут стороной'. См.: СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 279.

58. Интересно, что вслед за этой фразой книжник добавляет: «Великому же князю Александру Ярославичу, внуку Всеволода Владимирскаго, тогда седящу ему на своем столе, на великом Новеграде». См.: Колобанов В. А. Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие. С. 91.

38 Послы Батыя приезжают к черниговскому князя «съ словесы льстивыми», «благочестивый» же «повеле я избити», а сам «отиде во Угры и з домашними своими». Спустя какое-то время Батый вновь начинает звать к себе князей: недобро есть вам, рече, житии на земле Батыеве и кханове, не поклонившееся». «Мнози же от князь приходящее поклоняхуся ему»: среди них оказывается и Михаил Всеволодович (в отличие от житийной повести о гибели Михаила, согласно которой он едет в Орду обличать «лесть» ордынского царя, здесь он появляется перед ним в числе прочих князей, призванных пред царские очи). Батый предлагает Михаилу «поклонитися кусту и идолом» и тем самым «чести сподобитися со отвергшимися Христа». Сделать это князя уговаривает и «предпомянутый» Борис Ростовский. Далее, по версии автора Жития, Михаил поступает совершенно неожиданным образом. По крайней мере, для тех, кто был знаком с «канонической» версией его гибели в Орде: он «малодушьствовавше и хотяше прельститися».

39 И только благодаря Евфросиньи, которая, «слышав во своемъ

59. Там же. С. 92—93.

монастыре, яко хощет отецъ ея велики князь Михаилъ прельститися, цареву волю сотворити и поклонитися кусту», пишет письмо и отговаривает его от неблаговидного поступка, князь не идет на поводу у «безбожных». В этом «письме» весьма нелестную характеристику получает князь Борис Василькович. «Изволил еси послушати льстивых словесъ – врага всякая правды, друга дияволя – князя Бориса Ростовского, иже самъ окаянныи недугом прелстися, падеся и тебе хощет прельстити; хощеши царю тленному угодити, а Христа отверщися»[59]. В итоге письмо дочери, а также увещевания боярина Феодора, сопровождавшего князя в поездке в Орду, возымели действие. «Увы мне, како лукавого прелестника князя Бориса хотех послушати!» - восклицает Михаил Всеволодович. И далее события развиваются по вполне привычному для читателей княжеского жития сценарию: Михаил отказывается подчиниться воле царской и гибнет мученической смертью[60].

60. Там же. С. 94—97.

40 То, что процесс переосмысления отношений русских князей с ордынскими властями столь активно разворачивался именно в XVI в., вполне объяснимо. Это время окончательного разгрома осколков некогда могучей «Золотой Орды» - Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. К этому периоду в Московском государстве сформировалась целая идеология борьбы с «врагами с востока». Эта борьба, по мысли самих «идеологов», носила не столько военный или геополитический, но, прежде всего, конфессиональный характер, воспринималась как борьба с врагами христианства.

41 Изменяется отношение к татарам в целом и к ордынским властям в частности. Если изначально они воспринимаются в качестве «кары Господней», а их господство – как ниспосланное Богом испытание (бороться с которым, следовательно, бессмысленно и даже греховно), то впоследствии они начинают выступать как «безбожные», «беззаконные», «слуги дьявола» (с ними христианину бороться не просто можно, но и должно). Одновременно с рефлексией по поводу природы ордынской власти, начинает формироваться новая идеология Русского государства, опирающаяся на идеи о мессианском предназначении Руси (отныне она воспринимается как центр православия, «третий Рим») и богоизбранности великокняжеской власти. Эта идеология приходит на место представлениям о «греховности» Русской земли, необходимости смиренного покаяния и исправления. Меняется и понимание основных функций самого князя: теперь он рассматривается как пастырь, обязанный защищать врученную Богом паству от происков «поганых» и стоящего за ним «князя мира сего»[61]. Наконец, меняется и идеал человека. На место смиренного, кающегося в своих грехах «Иова» (таким предстает в рассказе Лаврентьевской летописи погибший на реки Сити князь Юрий Всеволодович) приходит хранитель «Русской земли», борец за торжество православия, не имеющий морального права

61. Ин. 12:31.

отказываться от защиты своего Отечества, активно противостоящий стремлению «нечестивых» «разорить христианскую веру». Теперь смирение, а тем более сотрудничество с татарами по определению оказываются для князей невозможными вариантами поведения. С «погаными» можно только сражаться, с оружием в руках отстаивая идеалы христианства, ибо их набеги - уже не «кара Господня», но всего лишь происки «лукавого».

Список литературы:

Источники:

1. Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2001.
2. Мансикка В. И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. СПб, 1913.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950 (репринт: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000).
4. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М., Л., 1960.
5. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
6. Фома Сплитский. История архиепископов Салона и Сплита. М., 1997.

Литература:

1. Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России кон. XV — I пол. XVI в. АКД. М., 1992.
2. Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв. Киев, 1982.
3. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб, 2001.
4. Будовниц И. У. Духовенство и татарское иго // Религия и церковь в истории России. М., 1975.
5. Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М., 2009.
6. Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб, 1997.
7. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. II. Вторая половина. М., 1900.
8. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.
9. Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
10. История русской литературы. Т. 1. Л., 1980.
11. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.
12. Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.
13. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
14. Колобанов В. А. Владимиро-Суздальская литература XIV—XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1. Владимир, 1975.
15. Колобанов В. А. Владимиро-Суздальская литература XIV—XVI вв. Учебное пособие. Вып. 3. М., 1978.
16. Конявская Е. Л. О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12).
17. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X — нач. XX вв. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990.
18. Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
19. Лаушкин А. В. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001.
20. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947.
21. Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
22. Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века // ТОДРЛ. 1974. Т. 29.
23. Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина

греко-русской церкви. М., 1995.
24. Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб, 2006.
25. Охотина Н .А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
26. Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.
27. Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII-XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
28. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
29. Прохоров Г. М. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987.
30. Рудаков В. Н. Поведение Дмитрия Донского в оценке автора “Повести о нашествии Тохтамыша” // Проблемы источниковедения истории книги. М., 1997.
31. Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. М., 2009.
32. Рыбаков Б.А. Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь (X—XIII вв.). М., 1948.
33. Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
34. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.
35. Хрусталев Д.Г. Русь от нашествия до «ига». 30—40 гг. XIII в. 2-е изд. СПб, 2008.
36. Чернецов А. В. Связи средневековой Руси с Востоком: некоторые проблемы и перспективы изучения // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997.
37. Чернецов А. В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
38. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007.
39. Штайндорфф Л. Чужая война: военные походы монголов в 1237—1242 гг. в Хронике Фомы архидьякона Сплитского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34).

Ссылка для цитирования:

Рудаков В. Н. Русские книжники XV—XVI веков в поисках героев борьбы с татарами // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 6 (22) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://mes.igh.ru//s207987840000610-0-1 (дата обращения: 15.11.2013).